

П.В. Шлыков

Динамика процесса демократизации в Турции: Роль международных организаций и гражданского общества

Аннотация. На материале турецких неправительственных организаций, бизнес-ассоциаций и общенациональных СМИ в статье анализируется динамически меняющийся баланс внешних и внутренних факторов демократических преобразований 2000-х годов.

Abstract. The paper is based on the analysis of the data from Turkish NGOs, business-associations and central media and addresses the question of changing balance between external and internal factors of democratization after 2000.

Ключевые слова: Турция, ЕС, международные организации, демократизация, гражданское общество, кемализм.

Keywords: Turkey, EU, international organizations, democratization, civil society, Kemalism.

Последние полтора десятилетия Турция переживает серьезные перемены. Они касаются административно-политической системы, разных сторон общественной жизни и соотношения гражданского и политического в общественных практиках. Основные черты социально-политической трансформации Турции 2000-х годов хорошо различимы на разных ярусах общественной жизни – это и формирование новой правящей элиты с доминантой религиозно-консервативных взглядов и ревизионистским настроем по отношению к кемалистскому наследию (19), и утрата военной элитой политической субъектности в сочетании с

институциональным отчуждением армейских структур от процесса выработки политических решений (16), и сдвиги в подходах к кипрскому вопросу и проблеме курдов (20), и новые правовые рамки свободы слова, и новое законодательство в сфере прав этноконфессиональных меньшинств, и тенденции роста политического самосознания и участия гражданского общества (14), и ревизия устоявшегося баланса пределов толерантности и ксенофобии.

Переживаемые Турцией перемены по-разному объясняются политологами и экспертами. Одна из наиболее распространенных аналитических моделей – стремление свести общественно-политическую трансформацию Турции к производным процесса евроинтеграции. Турция не одно десятилетие состоит во многих общеевропейских международных организациях, накопила большой опыт активной деятельности в таких структурах, как НАТО и Совет Европы, ОЭСР и ОБСЕ, Европейский банк реконструкции и развития. Это обстоятельство, казалось бы, должно было способствовать благоприятной реализации проекта евроинтеграции и вступления в ЕС – значительная часть состоящих в ЕС стран в течение многих лет является партнером Анкары по НАТО, Совету Европы и другим аналогичным структурам и должна, по идее, поддерживать устремления Турции в ЕС. Ведь согласно концепции институциональной социализации, пытающейся объяснить многообразие практик международных организаций в деле продвижения демократии (7, с. 66), государства, особенно новые или переходящие к демократии западного типа, социализируются в мировом сообществе наподобие того, как социализируется индивид¹.

Следуя этой логике, членство государства в одной международной организации должно формировать «правильную» модель политического поведения, которая способствует дальнейшему включению его в орбиту связанных международных структур. В случае взаимоотношений ЕС и Турции эта логика не сработала, и многолетняя успешная политическая социализация Турции в ключевых международных организациях не принесла ей заветного членства в ЕС, а последние годы не спасает даже от роста напряженности во взаимоотношениях с Брюсселем. За без малого три

¹ *Агентами социализации выступают такие структуры, как ООН, ЕС, НАТО, Совет Европы, и др.*

десятилетия, которые минули с момента подачи официальной заявки на членство в 1987 г., перспектива вхождения Турции в ЕС по-прежнему вызывает неоднозначную реакцию как европейской общественности, так и известных политиков и публичных фигур – достаточно вспомнить резкие высказывания на этот счет и экс-президентов Франции Валери Жискар д'Эстена (5) и Николя Саркози (12), и таких немецких высокопоставленных политиков, как Ангела Меркель (1) и Эдмунд Штойбер (11), и таких европейских религиозных лидеров, как Папа Римский Бенедикт XVI (10).

Несмотря на отчуждение Турции, столь явно проявившееся в рамках переговорного процесса с Брюсселем, участие Турции в таких структурах, как НАТО, ОЭСР, ОБСЕ и ЕБРР, в целом всегда оценивалось как достаточно продуктивное. Если посчитать суммарную длительность членства Турции в наиболее значимых общеевропейских международных организациях – НАТО (с 1952 г.), Совет Европы (с 1949 г.), ОБСЕ (с 1973 г.), ОЭСР (с 1961 г.), Европейский таможенный союз (с 1995 г.), ВТО (с 1995 г.), ЕБРР (с 1991 г.), Западноевропейский союз (с 1992 г.)¹, Европейское космическое агентство (с 2004 г.), то по этому показателю Турция ненамного уступит странам «старой Европы» (Франции, Германии, Италии, Великобритании) и обгонит Швецию, Австрию, Испанию, Финляндию, не говоря уже о Польше, Словакии, Латвии и других странах Центральной и Восточной Европы. Конечно, в этих статистических показателях невозможно отразить качественные характеристики активности участия страны в деятельности конкретной организации, равно как и пассивность самой структуры (например, ЗЕС по сравнению с НАТО или СЕ). Однако эти цифры тоже весьма красноречивы. Турция обладает сопоставимым по длительности опытом членства в наиболее важных общеевропейских структурах – Совете Европы, ОЭСР, ОБСЕ и НАТО – с государствами – основателями ЕС – Францией, Бельгией, Германией, Италией. Примечательно, что Турция входила в число государств – основателей Совета Европы, ОБСЕ и ОЭСР, однако в НАТО Анкару приняли лишь в 1952 г. ФРГ вступила в НАТО еще позже – в 1955 г. и в Совет Европы вошла только в 1950 г. Получается, что у Турции формально больший опыт членства в общеевропейских институтах, чем у Герма-

¹ В июне 2011 г. Западноевропейский союз прекратил свою работу.

нии. Эти факты давно уже стали лейтмотивом публичных выступлений турецких политиков, отстаивающих право Анкары на членство в ЕС, подобно тезису о культурной инаковости Турции для Европы, навязшему в зубах европейских политиков.

Год от года Турция наращивает свой опыт работы в общеевропейских международных организациях, что при этом слабо коррелирует с уровнем поддержки ее европейских амбиций. Однако у столь продолжительного процесса международной социализации Турции есть еще одно важное измерение – внутривластное: насколько повлияло разноплановое сотрудничество с западными международными организациями на характер политического развития Турции и вектор общественной трансформации?

Членство в главных общеевропейских международных организациях, ориентированных на стандарты «хорошего» или эффективного управления («*good governance*»), т.е. наличие транспарентности и отчетности, верховенства права и активного участия граждан в политической жизни страны, не помешало Турции стать чемпионом по количеству военных переворотов среди европейских стран (1960, 1971, 1980 и условно в 1997 г., когда под давлением военных законно избранное правительство Неджметтина Эрбакана было вынуждено уйти в отставку). Конечно, с приходом в 2002 г. к власти ПСР, активно включившейся в процесс европеизации турецкого законодательства и политической системы, ситуация скорректировалась, особенно после конституционных поправок 2010 г. и судебных разбирательств по делу «Эргенекон» и аналогичным процессам.

В области защиты прав человека – еще одной важной составляющей западной демократии и одной из базовых ценностей всех европейских международных организаций – Турция за годы членства в общеевропейских структурах не смогла добиться существенного прогресса. В 2006 г. правозащитная организация «Human Rights Watch» резко критиковала Анкару за чрезмерное применение силы при разгоне демонстраций курдов, случаи полицейского произвола, пытки заключенных, умаление прав курдов на использование родного языка (94), а в докладе 2014 г. – за необоснованное расширение полномочий полицейских, ограничения свободы слова и собраний, злоупотребления в использовании закона о борьбе с терроризмом (95). До сих пор так и не упразднена печально из-

вестная ст. 301 Уголовного кодекса, предусматривающая наказание за оскорбление органов государственной власти и национальных чувств (65, с. 280–282), по которой в свое время были осуждены и нобелевский лауреат Орхан Памук, и известный журналист Грант Динк. Единственное, что удалось сделать, – внести изменения в текст статьи, заменив в 2008 г. оскорбление «турецкости» (*Türkçülük*) на оскорбление «турецкой нации» (*Türk Milleti*), и ввести процедуру обязательного утверждения соответствия преступления и статьи со стороны министра юстиции. В этом же ряду – разворачивание репрессий против политических оппонентов, рост числа «узников совести» и «государственных преступников» в 2008–2013 гг. и другие очевидные отступления от принципов либеральной демократии, масштабы которых обеспокоили Еврокомиссию (83, с. 6–7, 10–12; 84, с. 5–7; 86, с. 5–17).

С точки зрения социализации в рамках международных организаций нерешенность проблемы Кипра – тоже пример сбоя во внедрении норм западной демократии и нарушение принципа взаимоуважения в рамках общеевропейских структур. Ведь Анкара не признает Республику Кипр, несмотря на то что обе страны должны сотрудничать в рамках и ООН, и Совета Европы, и ОБСЕ, и ЕБРР. Не случайно «кипрский вопрос» формально стал одной из фундаментальных преград на пути Турции в ЕС (6).

Однако наряду с примерами ограниченности влияния международных организаций на демократическое развитие Турции существуют сферы, в рамках которых удалось достичь видимого прогресса. В частности, это ревизия военно-гражданских отношений. Политическая активность военной элиты изначально входила в число черт национальной политической культуры, от которых необходимо было избавиться в рамках внедрения норм западной демократии. Западные политики никогда не скрывали своей досады по поводу многочисленных случаев вмешательства военных в политику. Достаточно вспомнить, как в 1969 г. Совет Европы даже предпринял попытку исключить из своих рядов Грецию, где в результате переворота установился авторитарный режим «черных полковников», открыто попиравший демократические принципы. Тогда Греция была вынуждена добровольно приостановить членство в Совете Европы, чтобы потом туда вернуться после восстановления демократии (48; 60). Турцию не стали исключать из СЕ

после переворота 12 сентября 1980 г., однако ее членство в ПАСЕ было приостановлено до тех пор, пока военные не передали власть гражданскому правительству (46, с. 177). И хотя членство в ПАСЕ никогда не несло в себе реальных экономических преференций, руководство страны очень четко восприняло сигнал, призывающий Турцию оставаться частью «демократической и свободной Европы» (48). Иными словами, даже нарушая нормы западной демократии, турецкие политики были склонны оглядываться на Европу и дорожить членством в общеевропейских международных организациях.

Исторически взаимоотношения Турции с европейскими структурами в целом и ЕС в частности развивались по сложной траектории. Поэтому и динамика влияния ЕС на процесс демократизации и либерализации общественно-политической жизни в Турции отличается волнообразным характером.

Хельсинкский саммит ЕС 1999 г., на котором Турция получила официальный статус государства-кандидата, можно считать не только важной вехой в отношениях Анкары и Брюсселя, но и отправной точкой для роста влияния ЕС и европейских институтов на внутривластную повестку дня в Турции. Статус государства-кандидата сам по себе представлял мощный побудительный импульс для проведения демократических преобразований и доведения существующих общественных, правовых и политических институтов до европейского уровня. Однако реализация дорожной карты реформ, сверстанная в соответствии с Копенгагенскими критериями, оказалась под угрозой свертывания уже к середине 2000-х годов, когда формально были заморожены едва начавшиеся переговоры о вступлении Турции в ЕС, а сама политика кондициональности Брюсселя, традиционная в отношении стран-кандидатов, стала стремительно терять доверие в глазах как простых граждан, так и политической элиты Турции (26, с. 68; 70, с. 570). И, несмотря на это, реформы, которые условно можно назвать очередной волной «европеизации» (поскольку цивилизационная модель Европы выступала отправной точкой преобразований для Турции начиная с «эпохи тюльпанов» XVIII в. (8, с. 10)), не были приостановлены. Они лишь приобрели сегментарный характер, сохранив прежнюю динамику там, где это было выгодно действующей власти. Сложившуюся начиная с середины 2000-х годов ситуацию нельзя объяснить инерцией переговорного процесса с

ЕС, очевидно, что административно-политические преобразования 2000-х годов – не только производная политики кондициональности, а процесс, детерминированный комплексом внутренних факторов. Если рассматривать новую волну европеизации не только как программу политической «революции сверху», но и как ответ на запрос общества на либерализацию, то ключевыми драйверами реализации реформ могут выступать именно гражданское общество и его институты (неправительственные организации, бизнес-ассоциации, независимые СМИ, политические партии и т.д.).

Либерализация общественно-политической жизни в Турции 2000-х годов

На рубеже 1990-х и 2000-х годов Турция пережила всплеск реформаторских инициатив, направленных на либерализацию административно-политической системы, расширение гражданских прав и свободы слова, улучшение положения этноконфессиональных меньшинств. Эти процессы масштабного внедрения демократических принципов в политическую систему, культуру, стиль повседневной жизни и т.д. выстраивались в соответствии с требованиями и рекомендациями ЕС по укреплению демократии и защите прав человека (56, с. 915), которые должны были приблизить Турцию к модели западной либеральной демократии. Первые шаги этой новой волны европеизации Турции пришлось на 2001 г., когда были приняты масштабные поправки к Конституции 1982 г., затем последовало принятие нового Гражданского кодекса и трех «пакетов по гармонизации» законодательства с нормами ЕС в 2002 г. (24, с. 15). Эти реформы были запущены коалиционным правительством Демократической левой партии (ДЛП), Партии отечества (ПО) и Партии националистического действия (ПНД) и затрагивали такие сферы, как права человека, свобода ассоциации и свобода слова (24, с. 15). С конца 2002 г. эстафету европеизации приняла Партия справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана, победившая на всеобщих выборах 2002 г. и сформировавшая однопартийный кабинет. По инициативе ПСР в 2002–2005 гг. через парламент прошло еще четыре «пакета по гармонизации» национального законодательства и принят целый блок конституционных поправок. Их проблемный охват был шире – не только

свобода слова и СМИ, но и права меньшинств, военно-гражданские отношения и т.д. (24, с. 16–17). Кроме того, за рамками пакетных поправок в Турции были пересмотрены и обновлены, а в отдельных случаях разработаны заново многие законодательные своды и важные отраслевые законы (например, закон об ассоциациях) (57, с. 366).

Стагнация переговорного процесса с ЕС в 2005 г. и все менее ясные перспективы членства в организации способствовали пересмотру повестки дальнейшей европеизации и комплексных реформ: вместо строгого следования предписаниям Брюсселя и условной дорожной карты демократических преобразований для стран-кандидатов правительство ПСР пошло по пути сегментации реформ по степени приоритетности для национальных интересов (101, с. 124). В результате преобразования продолжились в сфере расширения прав меньшинств, борьбы с коррупцией, регулирования военно-гражданских отношений (26; 45; 100; 102). Так, в 2008 г. вступил в силу новый закон о вакфах (фондах), где особое внимание уделялось вакфам этноконфессиональных меньшинств, выделенным в особую категорию (15, с. 196–210), а в 2009 г. свое вещание начал первый телеканал на курдском языке – TRT-6, ставший частью проекта по либерализации норм защиты интересов национальных меньшинств (100, с. 412–413). В 2010 г. были приняты антикоррупционные законы, повышающие прозрачность деятельности государственных учреждений (102, с. 14). А конституционная реформа 2010 г., одобренная на референдуме 12 сентября 2010 г., перестроила судебные правила, действующие в отношении военных, фактически передав их дела в юрисдикцию гражданских судов, и внесла еще ряд поправок в действующий механизм военно-гражданских отношений (26, с. 67; 45, с. 298–299). В результате процесс либерализации – пусть и в ограниченном формате – продолжился, несмотря на сужение коридора возможностей для ЕС в моделировании этих процессов в Турции.

Ослабление роли ЕС как драйвера перемен в общественно-политическом развитии Турции привело к тому, что в сложном балансе внешних и внутренних факторов общественной трансформации перевес все больше стал смещаться в сторону эндогенных процессов, а динамика преобразований стала не только сегментированной, но разнонаправленной: в ряде сфер реформы ускори-

лись (это касалось мер по совершенствованию законодательства по защите прав меньшинств или регулированию положения беженцев и т.д.), в других, – наоборот, наметился регресс (25; 26). Особенно рельефно это проявилось в сфере свободы слова и печати, а также защиты прав человека, что последние годы вызывает настороженность европейских чиновников, публикующих ежегодные отчеты о ходе и результатах реформ в Турции (83; 84; 85; 86; 87).

Теоретическое осмысление влияния ЕС

Влияние ЕС на Турцию целесообразно подразделить на два уровня – «нормативно-инструментальный», или «бюрократический», в рамках которого в 2000-е годы проходил процесс формального приведения законодательной среды в соответствие со стандартами ЕС и требованиями Копенгагенских критериев, и «институциональный», предполагающий более глубокое воздействие на социально-политические процессы и их модификацию, т.е. не формальное, а содержательно-сущностное влияние (47). Некоторые исследователи политики Брюсселя и волн расширения Евросоюза классифицировали это как дихотомию «европеизации» и «ЕСизации» (52).

В разных странах процесс европеизации в институциональном смысле протекал по-разному: в зависимости, с одной стороны, от ключевых факторов общественно-политического развития (прежде всего специфики модели государственного правления и устоявшейся политической культуры) (52, с. 52–58), с другой – от содержательного восприятия Европы как цивилизационной модели развития с исторической, политической и духовно-культурной точек зрения (52; 59). Как отмечают некоторые исследователи, эффективность и масштаб европеизации в отдельно взятой стране зависит от того, как местные политические элиты используют концепт Европы в качестве модели социально-политического развития в своих политических программах и стратегиях (52, с. 54).

Поэтому масштабы институциональной европеизации не являются производными исключительно внешнего воздействия или давления, но в не меньшей степени выступают продуктом соучастия и поддержки местных элит (77, с. 79). Это составляет своего рода «нормативный контекст», который в случае Турции варьиру-

вался в разные периоды ее национальной истории. Европа как модель социально-экономического и политического развития стала влиятельным фактором общественно-политической жизни еще в XIX в., когда часть прогрессивно настроенной османской элиты в качестве ориентира необходимых преобразований определила именно Европу. Как «нормативно-политический контекст» европейская модель развития определила и траекторию республиканского развития Турции как государства-нации, и реформы 1920-х и 1930-х годов оказали влияние и на формирование национальной политической идентичности, и на внешнеполитическую ориентацию во второй половине XX столетия.

Турция вошла в Совет Европы в 1949 г., а в 1987 г. признала за своими гражданами право в индивидуальном порядке обращаться в Европейский суд по правам человека – это основные и наиболее важные вехи процесса институциональной европеизации. События 1949 и 1987 гг. не просто оказали фундаментальное влияние на парадигму развития и функционирование политической системы или существующую правовую систему, они и сформировали «нормативный политический контекст». Европейские законы и принципы взаимоотношений общества и государства формально вошли в турецкое законодательство, а общеевропейские правовые институты стали доступны турецким гражданам, ищущим справедливости в деле ущемления своих прав и свобод со стороны турецких властей (52, с. 61).

Когда после 1999 г. Турция официально обрела статус страны-кандидата по итогам саммита ЕС в Хельсинки, нормативное и институциональное влияние ЕС на общественно-политические процессы в стране ощутимо возросло (52, с. 61). И даже после 2006 г., когда вследствие замораживания переговорного процесса формальное влияние Брюсселя на повестку дня внутривнутриполитического развития Турции ослабевает, европейские ценности и нормы общественной жизни остаются референсными точками и катализатором новых преобразований (89, с. 3). Таким образом, нормативное и институциональное влияние ЕС на общественно-политическое развитие Турции сохраняется, несмотря на стагнацию переговорного процесса и рост евроскептицизма. Степень влияния ЕС на развитие общественных и государственных институтов в Турции варьируется в достаточно широком диапазоне и напрямую зависит

от внутривнутриполитической конъюнктуры, иными словами – от размера политических выгод, которые местные элиты рассчитывают получить от сближения с ЕС.

Факторы снижения влияния ЕС на социально-политические процессы в Турции

Уровень влияния ЕС на внутривнутриполитические процессы в Турции последние годы демонстрирует нисходящую траекторию. На первое место в условной иерархии негативных факторов этого процесса можно поставить позицию Брюсселя по отношению к Турции, которую можно охарактеризовать как политическое отчуждение, «усталость» ЕС от пятого – самого масштабного в истории – расширения 2004–2007 гг., а также спад в мировой экономике, начавшийся с кризиса в финансовом секторе США в 2007–2008 гг. Здесь и вошедший в арсенал европейских политиков тезис о допустимых «пределах расширения» ЕС, ссылка на который фигурирует даже в принятых Еврокомиссией в 2005 г. «переговорных рамках» для Турции (64, § 3). Постоянный акцент на «не ограниченный по времени» переговорный процесс для стран-кандидатов и перспектива «перманентных законодательных дерогаций» и коррекции достигнутых договоренностей (64, § 12) сделали крайне неясной перспективу вступления Турции в ЕС. Все это закономерно привело к снижению непосредственного влияния Брюсселя на внутривнутриполитическую повестку дня в Турции, утрате доверия к ЕС и его «политике кондициональности», а также скорректировало динамику административно-политических реформ в Турции.

Второй по значимости негативный фактор – «кипрский вопрос», ставший одним из главных формальных препятствий на пути евроинтеграции Турции (даже несмотря на то, что его решение не фигурировало в перечне критериев для вступления Турции в ЕС). Подписанный в 2005 г. Дополнительный протокол к Анкарскому соглашению между Турцией и ЕЭС 1963 г., который предусматривал открытие морских портов и воздушного пространства для греческого Кипра, на тот момент уже вошедшего в ЕС, так и не был ратифицирован турецким парламентом. Турция отказалась открывать свои морские порты для кораблей Республики Кипр, поскольку Брюссель не выполнил свои обещания по отношению к

туркам-киприотам, поддержавшим План Аннана на референдуме 2004 г. (51). В результате в декабре 2006 г. Еврокомиссия заморозила открытие восьми «глав» для переговоров с Анкарой, поставив условие, что ни одна из 35 «глав» не может быть предварительно закрыта до тех пор, пока Дополнительный протокол не будет ратифицирован и вступит в силу (97, с. 1–9). И на сегодняшний день лишь одна из этих «глав», касающаяся «науки и исследований», условно «закрыта».

Еще одним фактором стагнации отношений Анкары и Брюсселя можно считать позиции лидеров Германии и Франции, открыто выступающих против полноформатного членства Турции в ЕС. В 2005 г. канцлер Германии Ангела Меркель выдвинула идею «привилегированного партнерства» как модели особых взаимоотношений ЕС и Турции и даже пыталась ввести ее в повестку дня переговоров Брюсселя и Анкары, однако это не было реализовано, и Германия не стала блокировать переговорный процесс. В самой Турции инициированные Германией дискуссии о «привилегированном партнерстве» вместо полноправного членства были восприняты крайне болезненно, способствовали росту евроскептицизма – многие увидели в этом явное нарушение договоренностей и предвзятость по отношению к Турции, что серьезно дискредитировало ЕС в глазах турецкого общественного мнения. В 2007 г. победивший на выборах президента Франции Николя Саркози также занял откровенно антитурецкую позицию в ЕС: Франция заблокировала еще четыре «главы» переговорного процесса ЕС–Турция. Однако с приходом к власти социалиста Франсуа Олланда в 2012 г. Франция заняла более взвешенную позицию по отношению к Турции. Резкий контраст в отношении ЕС к странам Центральной и Восточной Европы и оказываемая им масштабная материальная поддержка как на стадии подготовки к вступлению, так и после создавали ощущение, что к Турции ЕС относится предвзято, а его политика по отношению к Турции по сути дискриминационна. Эти настроения явно не способствовали консолидации проевропейски настроенной части политической элиты Турции, равно как и тех, кто поддерживал либеральные реформы (66, с. 485–495).

Однако было бы неправильным списывать снижение влияния ЕС как драйвера общественно-политической трансформации Турции исключительно на внешние обстоятельства. Одним из

наиболее весомых внутренних факторов этого процесса можно считать вектор трансформации режима правящей ПСР Эрдогана. Первые однопартийные правительства, сформированные победившей на выборах 2002 г. ПСР, использовали европеизацию как нормативный политический контекст для программы внутривнутриполитических реформ и основу ревизии внешнеполитических стратегий (52, с. 62). Последующие выборы 2007 и 2011 гг. показали рост электоральной поддержки ПСР, основанный на успехах экономического развития страны и укреплении ее влияния как региональной державы. Электоральный успех способствовал росту уверенности в собственных силах и наращиванию авторитарных тенденций (21). Сама природа однопартийного правительства содействовала этому, облегчая осуществление реформ и формируя гораздо более благоприятный экономический климат.

В результате Турция смогла добиться достаточно высоких показателей ежегодного экономического роста, что резко контрастировало с серьезной экономической рецессией во многих странах ЕС после 2008 г. Как следствие – правительство ПСР почувствовало в себе силы уйти от жесткой привязки реформ к требованиям ЕС. В общественном сознании политическая элита последовательно старалась укрепить мысль о самоценности реформ: о том, что цель проводимых преобразований – отнюдь не вступление Турции в ЕС, а повышение уровня жизни граждан безотносительно перспектив вступления в объединенную Европу. Кроме того, во второй половине 2000-х годов Турция стала наращивать свое влияние в регионе Ближнего и Среднего Востока. Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в собственных экономических силах привели к тому, что прежнее обаяние и привлекательность ЕС ощутило ослабли как в общественном мнении, так и среди политической элиты. И хотя правительство ПСР и лидеры правящей партии постоянно публично подчеркивали неизменность курса на вступление в ЕС, от прежнего энтузиазма мало что осталось. Как следствие, общая динамика либерализации замедлилась (22, с. 419), а реформы продолжились лишь в сферах, где это отвечало интересам правящей элиты. Так, если реформы военно-гражданских отношений продолжились с прежней скоростью (26, с. 70), то либерализация свободы слова и прессы была заморожена.

Еще один важный фактор, оказывающий воздействие на снижение влияния ЕС, – степень эффективности государства, играющего первостепенную роль в осуществлении институциональной либерализации в соответствии с требованиями ЕС. Эффективность государства тесно связана с уровнем внутривнутриполитической напряженности – соответственно, и «цена» демократических преобразований резко повышается в условиях эскалации террористических угроз, поскольку террористические атаки по своей сути ставят под сомнение политическую дееспособность и эффективность действующей власти (26, с. 69–75). Так, активизация Рабочей партии Курдистана в 2005 г. и рост террористической активности в 2007 г. сузили коридор политического маневра правительства Эрдогана, поскольку поставили под угрозу и территориальную целостность страны, и легитимность действующей власти.

Не случайно в ежегодном докладе Еврокомиссии о продвижении Турции по пути реформ за 2012 г. особо отмечалась важность решения «курдского вопроса», который характеризовался как «главный вызов турецкой демократии» (85, с. 7). А в одном из последних подобных докладов позитивно оценивался «запущенный правительством процесс мирного урегулирования, нацеленный на прекращение насилия и терроризма на юго-востоке Турции и выработку решения “курдской проблемы”» (86, с. 1).

Отдельно в длинном перечне факторов деградации ЕС как драйвера преобразований можно выделить нисходящий уровень поддержки самой идеи вступления в ЕС среди значительной части населения Турции. По контрасту с началом 2000-х годов, когда в Турции отмечалось наличие широкого общественного консенсуса по вопросу как вступления Турции в ЕС, так и необходимости масштабных административно-политических реформ, к концу 2000-х годов стихийно возникшая проевропейская коалиция дала трещины на фоне роста евроскептицизма (56, с. 923–925). Если в 2004 г. более 75% населения Турции позитивно рассматривали вхождение страны в ЕС, то в 2011 г. этот показатель снизился до 48% (см.: 19, с. 74), а соцопрос «Евробарометра» конца 2014 г. показал, что всего 28% граждан Турции поддерживают вступление страны в ЕС (40). Однако, несмотря на скепсис в отношении Брюсселя и его политики, Европа как цивилизационно-культурная сущность и модель развития не просто сохранила свое значение, но гораздо интенсив-

нее стала использоваться в качестве референсной точки в оценках реформ, политического режима или стандартов повседневной и общественной жизни (52, с. 66).

Гражданское общество как проводник влияния ЕС на социально-политическую трансформацию

Гражданскому обществу традиционно отводится важная роль в процессе либерально-демократических преобразований (3, с. 125; 9, с. 4): причем это роль одновременно и институционального катализатора, и одного из главных бенефициаров подобных реформ. Для роли катализатора реформ и рычага давления на органы власти неправительственные организации должны обладать достаточно высоким уровнем авторитета и КПД (30, с. 12). В отношении турецкого гражданского общества европейские чиновники исходили именно из этого тезиса, воспринимая его в качестве одного из главных «агентов» реформ по европеизации Турции как страны-кандидата.

На сегодняшний день в Турции существует несколько типов организаций гражданского общества (так в турецком правовом лексиконе принято именовать НПО/НКО): это ассоциации, вакфы (фонды), общественные профсоюзы и кооперативы (49, с. 383–384). Различия между ними – прежде всего в правовом статусе, возможностях взаимодействия с международными организациями. После военного переворота 12 сентября 1980 г. многие положения прежней либеральной Конституции 1961 г. были отменены: новый Основной закон накладывал серьезные ограничения на свободу слова, сужал права и возможности ассоциаций и вакфов. Архитекторы военного переворота видели в гражданской активности и неконтролируемой деятельности НПО угрозу социальной стабильности и государственной власти. Поэтому все НПО были поставлены под жесткий государственный контроль, чтобы исключить любые нарушения новых законодательных норм (18). Тем не менее с середины 1980-х годов «третий сектор» в Турции начал укрепляться: шел рост числа НПО на фоне усиления общественного запроса на либерализацию общественной жизни (23). Согласно данным официальной статистики Управления по делам ассоциаций (*Dernekler Dairesi Başkanlığı*) при Министерстве внутренних дел, число ассо-

циаций даже за последние пять лет выросло с 88 тыс. в 2011 г. до 106 тыс. в 2015 г. (причем это только активно действующие структуры, а общее число подобных организаций превысило 260 тыс.) (35). Число людей, вовлеченных в деятельность ассоциаций, по данным на 2014 г., превышало 8,9 млн человек, т.е. 12% населения страны (80, с. 6.). И хотя количественные показатели развития сферы гражданского общества могут показаться сравнительно высокими, его качественные характеристики, столь необходимые для эффективно работающей демократии, недостаточно высоки (см.: 18). При этом организационно-финансовые трудности, которые испытывают НПО, и невысокая эффективность институтов гражданского общества в Турции серьезно ограничивают его возможности выступать локомотивом демократических преобразований (см.: 14; 54, с. 270–287).

Динамика взаимоотношений Турции и ЕС непосредственно отразилась на развитии сферы гражданского общества, которое выступало одновременно в двух ипостасях – и как объект структурных и институциональных реформ, и как инструмент преобразований. С одной стороны, в рамках пакетных реформ по гармонизации турецкого законодательства с нормами ЕС трансформировалось правовое регулирование сферы гражданского общества, с другой – ЕС через свои структуры пытался использовать турецкие НПО как «агентов влияния», своей деятельностью ускоряющих протекание либеральных реформ (49, с. 384).

Турецкие НПО старались максимально использовать «евроинтеграционный контекст» как возможность нарастить свое влияние и присутствие в общественно-политической жизни, а также реализовать конкретные проекты за счет поддержки общеевропейских фондов. Так, ЕС через свои структуры спонсировал создание многочисленных НПО в различных регионах Турции. На юго-востоке – в городе Диярбакыр – за 14 лет реализации различных европейских программ количество НПО увеличилось без малого в шесть раз (с 213 в 2000 г. до 1144 на начало 2015 г.) (36; 72). Брюссель всерьез рассчитывал использовать возможности институтов гражданского общества в качестве проводников политической программы по приведению Турции в соответствие с Копенгагенскими критериями. Отсюда и идея наращивать свое влияние на общественно-политические процессы посредством укрепления институ-

тов гражданского общества: чем больше гражданских свобод обеспечивается за счет ревизии действующего законодательства, тем больше возможностей у гражданского общества действовать вне жестких рамок бюрократических процедур и повышать свою эффективность как инструмента демократизации. Тем самым ЕС способствовал созданию более благоприятной атмосферы для развития плюралистического гражданского общества (43).

Основными инструментами европейских структур в работе с гражданским обществом в Турции стали программы консультативной и финансовой помощи неправительственным организациям, а главным каналом финансовой поддержки турецких НПО после 1999 г. – Программа финансовой поддержки на этапе подготовки к вступлению (*Pre-Accession Financial Assistance*, с 2007 г. – *Instrument for Pre-Accession Assistance, IPA*) (подробнее см.: 41) с отдельной строкой в бюджете Евросоюза. С начала открытия этой линии финансовой поддержки в 2002 г. до конца 2014 г. Турция в общей сложности получила 6,7 млрд евро¹, хотя точно сказать, сколько именно было непосредственно направлено турецким неправительственным организациям, по данным открытых источников, довольно трудно². В рамках Инструмента поддержки на этапе подготовки к вступлению (*Instrument for Pre-Accession Assistance, IPA*) (подробнее см.: 41) поддержка развития сферы гражданского общества и сети неправительственных организаций не была выделена в самостоятельное направление, однако имплицитно присутствовала во всех пяти компонентах IPA (33).

Еще один канал, по которому шло взаимодействие ЕС с турецкими НПО, – это социально ориентированные программы

¹ По официальным данным ЕС и турецкого Министерства по отношению с ЕС, в рамках Программы финансовой поддержки на этапе подготовки к вступлению Турция получила в 2002 г. – 126 млн евро, в 2003 г. – 144 млн евро, в 2004 г. – 250 млн евро, в 2005 г. – 300 млн евро, в 2006 г. – 500 млн евро, в 2007 г. – 497,2 млн евро, в 2008 г. – 538,7 млн евро, в 2009 г. – 566,4 млн евро, в 2010 г. – 653,7 млн евро, в 2011 г. – 779,9 млн евро, в 2012 г. – 856,3 млн евро, в 2013 г. – 903 млн евро, в 2014 г. – 620,4 млн евро (34, с. 8; 50, с. 46).

² В рамках программ по гармонизации турецкого законодательства с нормами ЕС в 2002, 2003 и 2004 гг. было разработано 84 проекта, одобренных на уровне органов ЕС.

«Перманентного обучения» (*Lifelong Learning Program*), «Рамочные программы по развитию научных исследований и технологий» (*Framework Programmes for Research and Technological Development*), «Молодежь в действии» и др. (103), участие в которых давало турецким НПО возможность получить финансовую поддержку ЕС.

Наряду с чисто финансово-экономическими инструментами структуры ЕС разработали и другие каналы воздействия и взаимодействия с турецкими НПО – это и совместные мероприятия, и выездные семинары с приглашением гражданских активистов в штаб-квартиру Еврокомиссии и другие институциональные органы ЕС. Причем в рамках нефинансового сотрудничества создавалась модель симметричных инициатив, когда импульс взаимодействия исходит не только от «доноров», но и от «реципиентов». Известный пример – сотрудничество турецкой Ассоциации поддержки образованных женщин (*Kadın Aydınları Destekleme Derneği – KADER*) и Комиссии Европарламента по правам женщин и гендерного равенства в работе над докладом о равноправии полов в Турции, опубликованном в 2012 г. (62).

Помимо непосредственных контактов в ряду нефинансового сотрудничества ЕС и турецкого гражданского общества с целью продвижения процесса демократизации можно выделить еще один канал – регулярные доклады ЕС о «продвижении Турции» (*Turkey Progress Report*) на пути в единую Европу. Эти доклады представляют собой ежегодный обзор конкретной страны с точки зрения ее прогресса на пути к статусу страны-кандидата или страны – члена ЕС. Начиная с 1998 г., когда был опубликован первый в истории подобный доклад по Турции, вопросы ограничений для неправительственных организаций и гражданских активистов, соблюдения базовых прав и свобод в разных аспектах – ключевые темы этих документов. Непосредственный эффект регулярных докладов наиболее рельефно проявлялся тогда, когда в них затрагивалась не обезличенная проблема, а конкретный случай. Наиболее яркий пример – ситуация с закрытием в Турции ассоциации солидарности представителей ЛГБТ-сообщества «*Lambdaİstanbul*» (*Lambdaİstanbul LGBTT Dayanışma Derneği*). В мае 2008 г. суд Стамбула вынес решение о закрытии этой ассоциации за «нарушения закона и общественной морали» (39). При этом структуры ЕС – «*Human Rights Watch*» и «*Amnesty International*» – вступились за «*Lambdaİstan-*

bul», постоянно поднимая вопрос о незаконности подобных запретов¹. В итоге под давлением ЕС сначала в ноябре 2008 г. Высший апелляционный суд вернул дело «*Lambda Istanbul*» на повторное рассмотрение, а затем в апреле 2009 г. судебное решение уже было принято в пользу ассоциации (75).

В целом ЕС своими финансовыми, интеллектуальными и политическими инвестициями в сферу гражданского общества стремился укрепить его либерально-демократическую ориентацию (через партнерские программы и спонсорскую поддержку). Успех подобной стратегии зависел от ряда факторов: во-первых, интенсивности взаимодействия общеевропейских структур с гражданским обществом (непосредственные контакты, партнерские программы, спонсорская поддержка); во-вторых, наличия долгосрочных и неадресных программ поддержки (например, в сфере образования); в-третьих, положительного имиджа ЕС и восприятия общеевропейских норм в общественном сознании; в-четвертых, благоприятной законодательной среды. В целом чем выше степень либеральности среды и чем либеральнее законодательство в сфере гражданской активности, тем легче использовать каналы гражданского общества для продвижения демократии «снизу». И, наоборот, чем больше НПО разобщены по идеологической или этнической линии, тем сложнее их использовать в качестве катализатора демократических преобразований или основы для демократической консолидации (56, с. 913).

После того как Турция получила формальный статус страны-кандидата в 1999 г., представители турецкого гражданского общества стали достаточно активны на различных общеевропейских площадках. И в этом смысле гражданское общество в начале 2000-х годов смогло выступить дополнительным рычагом воздействия на правительство для запуска масштабной программы либерализации административно-политической системы. Кроме того, либерализация непосредственно затронула и само турецкое гражданское общество. Выразилось это не только в расширении взаимодействия с общеевропейскими институтами, но и привело к трансформации

¹ Притом что из длинного перечня европейских свобод для лиц нетрадиционной ориентации в Турции действует только разрешение на смену пола (с 1988 г.).

существовавшей модели НПО – значительная часть гражданских активистов стала ориентироваться на проекты, которые могли бы дать достаточное материально-финансовое обеспечение, и придерживаться рендоориентированной стратегии, отдавая приоритет фондированию, а не следованию уставным целям (см.: 14; 17).

Гражданское общество как самостоятельный драйвер либеральных реформ

Историческая традиция сильного государства с особой регулирующей ролью во всех сферах общественных отношений и примат коллективных интересов над частными не способствовали формированию сильного и политически активно гражданского общества в Турции (44, с. 44). Реалии постбиполярного мира с усилившимися тенденциями глобализации несколько скорректировали положение гражданского общества в Турции в 1990-х годах – ощутимо расширилась сфера деятельности неправительственных организаций, а их число заметно выросло, повысился и уровень гражданского участия (44, с. 46–51). И среди факторов, непосредственно повлиявших на характер развития сферы гражданского общества, процесс евроинтеграции и динамика отношений Брюсселя и Анкары занимают важное место.

Курс на вступление в ЕС и официальный статус страны-кандидата сделали традиционные требования турецких НПО по расширению демократии и либерализации общественно-политической жизни частью национальной программы по доведению страны до уровня ЕС, придали этим требованиям большую силу и легитимность (77, с. 81). Перспектива стать частью объединенной Европы, вера в реальность которой в начале 2000-х годов была достаточно сильна, способствовала консолидации прогрессивно настроенных общественных сил и гражданского общества на поддержку реформ по европеизации Турции.

Немаловажно, что одним из результатов начального этапа административно-политических реформ, запущенных в соответствии с Копенгагенскими критериями, стало принятие нового – более либерального – закона об ассоциациях, который позволил гражданскому обществу гораздо активнее участвовать в продвижении и поддержке реформ (77, с. 81). Это событие можно считать инте-

ресным примером взаимодействия внутренних и внешних факторов демократизации. Турецкие НПО длительное время выступали за необходимость реформирования законодательства, регулирующего деятельность ассоциаций, однако сдвинуть ситуацию с мертвой точки стало возможно только в 2004 г. в рамках «реформ по гармонизации», которые таким образом легли на подготовленную в течение нескольких лет почву. Однако стагнация переговорного процесса во второй половине 2000-х годов сузила возможности НПО по участию в политической жизни и поддержке либеральных реформ. При этом непосредственная поддержка профильными общеевропейскими структурами развития сферы гражданского общества, выражающаяся и в консультационной помощи, и в финансировании широкого круга проектов по таким программам, как «Развитие гражданского общества» (*Civil Society Development Program*) (44, с. 56; 56, с. 916), не привела к планируемому укреплению гражданского общества (14).

Помимо евроинтеграции, непосредственно отразившейся на развитии сферы гражданского общества в первой половине 2000-х годов, важную роль в этом сыграла и политика ПСР. Взаимоотношения режима Эрдогана с гражданским обществом, как отчетливо показали события 2012–2014 гг., обладают сложной динамикой, однако в период 2002–2005 гг. правительство ПСР демонстрировало готовность воспринимать сигналы от НПО и взаимодействовать с гражданским обществом в самых разных сферах. В эти годы власти не противились ограниченному участию гражданского общества в политическом процессе, публичной экспертизе законопроектов и т.д. (43, с. 63; 44, с. 63). Избирательность в привлечении гражданского общества, которую изначально практиковала ПСР, особенно проявилась во время разработки стратегического плана по борьбе с коррупцией в 2010 г. (102, с. 18). И это весьма показательно характеризовало достижения гражданского общества за годы либеральных реформ по дорожной карте европеизации: хотя гражданское общество институционально окрепло и обрело опыт в реализации структурных проектов, тем не менее его влияние на внутривнутриполитические процессы осталось ограниченным (32, с. 15). Более того, по-прежнему низкий уровень гражданского участия и слабая организационная база большинства турецких НПО (32, с. 14; 49, с. 390) остаются главными проблемами развития сферы гражданского

общества в Турции, и протесты 2013–2014 гг. это отчетливо показали. Высокий уровень фрагментации и сегментированность – базовые характеристики турецкого гражданского общества начала 2000-х годов – и сейчас серьезно ограничивают его возможности выступать драйвером внутривнутриполитических преобразований (18). Проявляется это в четкой политической ангажированности НПО, готовых поддерживать лишь близкие им по интересам реформаторские инициативы. Поэтому и поддержка либеральных реформ со стороны гражданского общества оказывается сегментированной. Так, кемалистские НПО ожидаемо не выступают в поддержку либеральных реформ, нивелирующих такие базовые принципы кемалистской идеологии, как национализм и лаицизм (37, с. 10). Политическая фрагментация еще сильнее проявляется в организациях, занимающихся проблемами защиты прав человека (на первый взгляд, универсальными либеральными ценностями) (73, с. 62). И тем не менее в Турции даже правозащитные НПО имеют четкий политический окрас: поэтому едва ли возможно сотрудничество между левой по взглядам Ассоциацией поддержки семей заключенных и осужденных (*Tutuklu ve Hükümlü Aileleri ile Dayanışma Derneği – TAYAD*) и происламистской консервативной Ассоциацией защиты прав человека и угнетенных (*İnsan Hakları ve Mazlumlar İçin Dayanışma Derneği – MAZLUMDER*) (73, с. 62). Однако консолидация НПО и гражданских активистов все же возможна, что показал пример Женской платформы для изменения Турецкого уголовного кодекса (*Türk Ceza Kanunu Kadın Platformu*), деятельность которой в начале 2000-х годов во многом способствовала решению проблемы неравноправного положения женщин в турецком законодательстве при разработке нового УК, принятого в 2004 г.

В целом влияние ЕС на развитие гражданского общества в Турции на правовом, финансовом и техническом уровнях не привело к серьезному его усилению как локомотива перемен в общественно-политической жизни, а степень его воздействия на политический процесс ощутимо не увеличилась (37, с. 10; 44, с. 64; 49, с. 390; 56, с. 925). Поэтому и проект использования институтов гражданского общества в Турции как главного агента и катализатора либеральных реформ у Брюсселя не увенчался успехом.

Влияние ЕС и бизнес-структуры

Среди факторов либерализации 1990 – 2000-х годов важное место занимают крупный бизнес и бизнес-ассоциации (44, с. 61), увеличившие, подобно другим субъектам публичной сферы, свой общественно-политический вес после 1999 г. Из числа подобных бизнес-структур в авангард вышли Ассоциация турецких промышленников и предпринимателей (*Türk Sanayicileri ve İşadamları Derneği – TÜSİAD*) и Вакф экономического развития (*İktisadi Kalkınma Vakfı – İKV*). Эти старейшие общественные организации турецкого бизнеса, используя наработанные механизмы общественного давления на правительство, стали активно лоббировать проведение либеральных реформ (37, с. 9; 57, с. 368).

Пример деятельности TÜSİAD как наиболее активной и авторитетной структуры, с 1970-х годов объединяющей крупнейших турецких бизнесменов, крайне показателен и красноречив с точки зрения раскрытия механики влияния бизнеса на текущие политические процессы (98, с. 102).

В 1990-е годы TÜSİAD стала позиционировать себя общественной силой, выступающей за демократические реформы в Турции (68, с. 98), особым субъектом гражданского общества, главная задача которого – продвижение либеральных инициатив и поддержка процесса демократизации (44, с. 62; 79). Ассоциация начинает публиковать собственные доклады по демократизации. Первый подобный доклад под общим заголовком «Перспективы демократии в Турции» вышел в 1997 г. и должен был служить декларацией TÜSİAD о намерении всеми доступными средствами способствовать демократизации в Турции. В самом докладе достаточно подробно разбирались многие из болезненных и неудобных сюжетов – как, например, свобода слова, культурные права национальных меньшинств (читай курдов), военно-гражданские отношения и т.д. (68, с. 100).

После 1999 г. TÜSİAD в своей общественной деятельности делает ставку на ЕС и переговорный процесс Брюсселя с Анкарой как главный драйвер политических преобразований в Турции (96, с. 589). И начиная с этого момента тематика «пакетных реформ» и вопрос перспективы членства Турции в ЕС становятся приоритетными направлениями политической активности TÜSİAD (98,

с. 104). Причем этот тренд сохранился даже во второй половине 2000-х годов: когда сам переговорный процесс оказался замороженным, TÜSİAD на всевозможных публичных площадках продолжала утверждать важность «европейского проекта» для модернизации Турции и необходимость возобновления переговоров (81). Объяснение этому можно увидеть в том, что TÜSİAD взяла на себя роль адвоката демократии и либеральных реформ задолго до 1999 г., высвечивая неудобные для центральной власти сюжеты в не очень приглядном свете (98, с. 111). Показательным стал юбилейный доклад TÜSİAD о демократизации в Турции, опубликованный в 2007 г. Он фиксировал широкий круг проблем – от свободы слова до защиты прав меньшинств, острота которых, несмотря на пятилетку успешных реформ по европеизации, не была снята (79). Предлагая свои рецепты решения острых вопросов демократического развития, TÜSİAD критиковала правительство ПСР за торможение демократизации. В 2007 г. TÜSİAD призывала правительство снизить 10%-ный барьер для прохождения в парламент, что позволило бы войти в законодательное собрание малым партиям, в том числе представляющим интересы меньшинств, а в 2008 г. – в разгар противостояния ПСР с военной и кемалистской элитой – принять меры против множащихся случаев нарушения прав человека (58, с. 25; 82). Эти шаги пришлись на период охлаждения отношений между правящей ПСР и бизнесменами из TÜSİAD, которые в 2002–2006 гг. носили более чем партнерский характер. После 2006 г. TÜSİAD достаточно жестко стала высказываться в адрес кабинета министров из-за нежелания вести переговорный процесс с Брюсселем в прежнем формате (99, с. 83–88).

Обострившийся кризис в отношениях кемалистской элиты и ПСР в 2006 г. также отразился на TÜSİAD (99, с. 85). Даже несмотря на раскол в рядах самой ассоциации (крупные бизнесмены находились в разной степени удаленности от правящего режима и не все были готовы занимать конфронтационную позицию), TÜSİAD продолжала придерживаться прежней линии в вопросах демократизации и закономерно поддержала инициированную правительством конституционную реформу 2007 г. (99, с. 87–88).

Однако можно ли говорить о самостоятельной роли крупного бизнеса в целом и TÜSİAD в частности как о двигателе демократических преобразований? Однозначно ответить на вопрос поло-

жительно или отрицательно нельзя. Сами по себе реформы, за осуществление которых ратовала TŪSiAD, вряд ли смогли бы реализоваться, если бы помимо давления на правительство со стороны бизнеса они бы не составляли часть национальной программы по гармонизации турецкого законодательства в соответствии с нормами ЕС (57, с. 366). Кроме того, сама привязка к членству в ЕС, которой TŪSiAD осталась верна и после 2005 г. (96, с. 589; 98, с. 104), в условиях резкого снижения общественной поддержки «европейского проекта» не может выступать эффективным стимулом преобразований.

Роль «четвертой власти» в процессе демократизации

Вплоть до 1990-х годов сфера СМИ была далека от демократических порядков, ее отличительными характеристиками были серьезные ограничения свободы слова и жестко выстроенная система подчинения владельцев СМИ по отношению государству, нередко превращавшаяся в сервильность (53, с. 523–524). И хотя в 1990-е годы количество СМИ ощутимо выросло, среда стала чуть более конкурентной, а новостной поток не в пример богаче – базовые проблемы остались: сфера СМИ была и по сей день остается монополизированной крупными медиахолдингами (самый крупный – холдинг «Доган», владеющий несколькими наиболее тиражными ежедневными изданиями и рейтинговыми телеканалами) (38, с. 23; 53, с. 525). Еще одна тенденция, формирование которой хронологически также пришлось на 1990-е годы, – использование подконтрольных СМИ как канала налаживания взаимоотношений с властью для получения конкретных политических и экономических дивидендов (38, с. 24).

На сегодняшний день ландшафт турецких СМИ поделен между крупными медиахолдингами и небольшими по масштабу независимыми изданиями, как, например, либеральная газета «Тараф» или армяно-турецкая «Агос», где до 2007 г. главным редактором служил Грант Динк. Ресурсы таких независимых СМИ ограничены, а положение не всегда стабильно (38, с. 9; 53, с. 532). Медийный мейнстрим, как и прежде, находится в подчиненном положении по отношению к власти в силу действующего законодательства, делающего СМИ уязвимыми для политического давления

(31, с. 618; 38, с. 9, 61). К этому необходимо добавить, что экономические интересы владельцев газет и телеканалов также способствуют формированию клиентельных отношений между СМИ, властью и политиками (74, с. 560). В случае с правительством сами владельцы СМИ стараются заручиться необходимой поддержкой со стороны власти для получения экономических преференций, а в случае с действующими политиками работает немного другой механизм: давление на СМИ оказывается путем принятия специальных законодательных норм, регулирующих сферу СМИ (например, специального налогового законодательства) (31, с. 618). Линию напряжения и механику клиентельных отношений между СМИ и властью хорошо иллюстрирует конфликт между Эрдоганом и медиахолдингом «Доган». В открытую фазу конфликт вошел в 2009 г., когда один из подконтрольных ПСР муниципалитетов отказался предоставить холдингу помещения. В ответ на страницах изданий холдинга стали появляться критические материалы по отношению к правительству ПСР (53, с. 532). Известный своей обидчивостью Эрдоган не стал молчать и публично призвал взыскать с холдинга «Доган» 3,75 млрд турецких лир (на тот момент 2,5 млрд долл. США) за нарушение налогового законодательства (31, с. 618; 76). Столь жесткое наказание за нелояльность серьезно переформатировало соотношения проправительственных и оппозиционных СМИ и подвело логическую черту под переделом сферы СМИ, начатую в 2007 г. приобретением близким к ПСР холдингом «Чалык» самой тиражной турецкой газеты «Сабах» вместе с телеканалом ATV (38).

Существование независимых изданий несколько разбавляет общую картину доминирования лояльных правительству СМИ, позволяя получать альтернативную информацию и видение ситуации (38, с. 61). Вторую половину 2000-х годов на поле такой альтернативной информации первую скрипку играла газета «Тараф», прославившаяся публикациями секретных документов, раскрывших готовившийся военный переворот против режима ПСР (38, с. 35, 61; 88). Давая альтернативные трактовки и высвечивая неудобные для других СМИ сюжеты (38, с. 63), издание сыграло свою роль в плюрализации информационного поля в Турции, ломая устоявшиеся модели националистического дискурса и открывая дискуссии на негласно табуированные ранее темы: о роли военной

элиты в политике или политизации судебной системы, институциональной коррупции или нарушениях при заключении госконтрактов (28). Из перечня сюжетов, которые поднимали журналисты «Тараф», видно, что они не только ударяли по прежней системе, в которой доминировала кемалистская элита, но и стремились вскрыть проблемы режима ПСР. Тем самым издания, подобные «Тараф», на практике показывали, что независимые СМИ в Турции могут выступать проводниками демократизации. С середины 2013 г., когда в Турции начались активные протесты против правительства ПСР, и особенно после коррупционного скандала 17 декабря 2013 г., который вывел в открытую фазу конфликт между международным миссионерским движением во главе с Фетхуллахом Гюленом и Реджепом Эрдоганом, на звание главного оппозиционного СМИ претендуют газеты издательского дома «Заман». Однако их огульная критика режима ПСР в большой степени ведет к росту поляризации в обществе, а не способствует демократизации при всей демократической риторике.

В основной массе турецкие СМИ продолжают страдать прежними недостатками – невысоким качеством материалов, предвзятостью и политической зависимостью (31, с. 618; 90; 93). Отчасти их можно списать на особенности политической культуры и разделенности СМИ – как и гражданского общества в целом – по линии политической идентичности. Однако еще один корень проблем заключается в очевидных ограничениях свободы слова и прессы, которые сужают поле маневра для всех СМИ без исключения (74, с. 557; 85, с. 21). И здесь не только государственная цензура, столь грубо себя проявившая во время протестов в парке Гези летом 2013 г., когда основные телеканалы просто не стали передавать новости о протестах, но и растущая на глазах самоцензура СМИ (61). Примеры увольнения из центральных СМИ известных колумнистов за критику в адрес правительства (61) – тревожный сигнал проблем со свободой слова и показатель слабости СМИ как драйвера демократизации.

Заключение

Процессы демократизации в Турции исторически всегда были тесно связаны с «прозападным» или «роевропейским» курсом

развития страны. Либеральные реформы конца 1990-х – 2000-х годов не стали исключением, их динамика во многом была детерминирована течением переговорного процесса между Анкарой и Брюсселем, а характер определялся стремлением политической элиты Турции приблизить страну к европейским стандартам.

Институциональная социализация Турции в рамках общеевропейских международных организаций, несмотря на неравномерность и ограниченность моделей партнерства, сыграла важную роль как во внешне-, так и внутривнутриполитическом развитии страны. И это выразилось не только в том, что в 2000-е годы принимались законы, которые едва ли смогли реализоваться в условиях существовавшей модели общественного развития (отмена смертной казни, уравнение в правах женщин и мужчин), но и в том, что был запущен неформальный процесс ассоциации Турции с Западом (достаточно вспомнить, что в 1999 г., когда Турции предоставляли статус страны-кандидата, это не вызвало неприятия среди 15 стран, входивших на тот момент в ЕС).

Период интенсивных административно-политических реформ в Турции первой половины 2000-х годов хронологически совпал с активной фазой переговорного процесса Анкары и Брюсселя (от закрепления за Турцией официального статуса страны-кандидата на саммите Европейского совета в Хельсинки в декабре 1999 г. до начала официальных переговоров с Турцией о вступлении в октябре 2005 г.), поэтому пришедшиеся на это время преобразования зачастую объяснялись стремлением соответствовать Копенгагенским критериям. Большинство исследователей сходились в оценке ведущей роли именно внешних факторов в трансформации 2000-х годов. В ЕС и политике кондициональности видели главный «импульс к модернизации» (63), в официальном статусе страны-кандидата – катализатор реконструкции политической системы (67), а в курсе на евроинтеграцию – основу для отстранения военной элиты от участия в политическом процессе (71). Не отказываясь от тезиса о ключевой роли ЕС, некоторые исследователи задавались вопросом, насколько реформы носят вынужденный характер и обусловлены исключительно требованиями, предъявляемыми к странам-кандидатам, или же набравший скорость процесс евроинтеграции универсализирует либерально-демократические нормы общественной жизни и политического

устройства (55). Другие эксперты в том же ключе ставили вопрос о факторе ЕС как триггере конъюнктурных косметических преобразований или основе формирования инфраструктуры для долгосрочных институциональных реформ (77).

Между тем фактическое замораживание переговорного процесса Анкары и Брюсселя, равно как и самого процесса евроинтеграции Турции в 2005 г., не привело к автоматическому свертыванию реформ, что несколько опровергает тезис об исключительно внешней и конъюнктурной заданности преобразований. Процессы социально-политической трансформации Турции в 2000-е годы оказались мотивированы в значительной степени совокупностью внутренних факторов, текущими интересами пришедшей к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) и стратегией ее основных политических и идеологических оппонентов.

Готовность ПСР следовать указаниям Брюсселя, стремление привести административно-политическое устройство и правовые нормы в соответствие с Копенгагенскими критериями – все это плохо коррелировало, с одной стороны, с отсутствием четких «правил игры» – прозрачных политических условий вступления в ЕС для Турции (слишком большой разброс в оценках перспектив членства и размытость обещаний), с другой – с авторитарной природой самой ПСР и ее лидеров, нелиберальным характером ее идеологической платформы «консервативной демократии». Соответственно и демократические реформы, инициированные ПСР, нацеливались на решение внутривнутриполитических задач – перетянуть на себя симпатии проевропейски настроенного электората и использовать реформы по демократизации для ослабления политических конкурентов, прежде всего из числа кемалистской элиты. Общественно-политическая трансформация Турции в 2000-е годы – процесс, мотивированный не только стремлением удовлетворить требования Копенгагенских критериев, но и соображениями стратегии политической борьбы с оппонентами, которую условно можно назвать «антикемалистской» революцией (см.: 13), т.е. наращивания своего политического влияния за счет десекуляризации и ослабления опасных оппонентов из числа кемалистской элиты.

Сумма внешнеполитических шагов и инициатив ПСР давно уже ставит под вопрос приверженность Анкары прозападной ориентации и вызывает подозрения в стремлении «возродить» Осман-

скую империю. Активное вмешательство в дела ближневосточных стран, заигрывания с ХАМАС, посредничество в налаживании отношений между западными странами и Ираном, обострение отношений с Израилем, неготовность солидаризоваться с Западом в борьбе с ИГИЛ – все это закономерно воспринимается как показатель отчуждения Турции от Запада в целом и ЕС в частности, заставляет по-новому взглянуть на парадигму отношений Турции и Евросоюза.

Становясь несколько ближе Европе институционально, Турция, очевидно, отдаляется от нее ментально и психологически. Если в 2004 г. более 75% населения Турции позитивно рассматривали вхождение страны в ЕС, то в 2011 г. этот показатель снизился до 48%. На этом фоне количество сторонников развития отношений с ближневосточными мусульманскими странами, наоборот, ощутило выросло (78, с. 29). Неудивительно, что за последние шесть лет, как показывают многочисленные соцопросы, скепсис в отношении ЕС в Турции год от года увеличивается, равно как и негативное отношение европейцев к настойчивому стремлению Турции в ЕС (42). Один из последних соцопросов «Евробарометра» показал, что всего 28% граждан Турции поддерживают вступление страны в ЕС (40). Это самый низкий показатель поддержки евроинтеграции Турции за последние годы. В предыдущем опросе, проведенном в мае 2014 г., количество сторонников вступления Турции в ЕС составляло 38%. Президент Турции Эрдоган открыто заявляет: «Турция не нуждается в уроках демократии от Европейского союза, она – не козел отпущения. Если не хотят нас принимать в ЕС – пусть не принимают, но мы для них не прислужники» (69).

Неуступчивость Брюсселя и обострение внутривосточной обстановки заставили лидеров ПСР несколько изменить риторику: сейчас все отчетливее звучит тезис о «самоценности» реформ, изначально запущенных для соответствия Копенгагенским критериям, и о необходимости их продолжения вне зависимости от последующего вступления Турции в ЕС. «Мы будем продолжать реформы, даже если от ЕС не будет больше обнадеживающих сигналов... и переименуем Копенгагенские критерии в Анкарские... а Маастрихтские – в Стамбульские», – не устают повторять слова Эрдогана крупные функционеры ПСР (29). Это неожиданное, на первый взгляд, признание раскрывает отношение ПСР к содержанию

вестернизации, которая разделяется на «институционально-технологическую» и «культурно-идеологическую» составляющие, и реализуемой ею модели модернизации.

При этом возникает ощущение, что Турция переживает процесс частичной «девестернизации». Функционеры правящей ПСР придерживаются западной либерально-демократической риторики, однако приверженность ценностям и европейской цивилизации, и демократии носит скорее не культурно-идеологический, а в большей степени прагматически-утилитарный характер. Демократия зачастую не рассматривается как матрица общественно-политических отношений на всех уровнях, из всех демократических принципов акцент делается прежде всего на выборах, «доказавших, что они являются оптимальным и наиболее легитимным способом достижения власти» (цит. по: 27, с. 56–57).

Список литературы

1. А. Меркель и Н. Саркози высказались против приема Турции в Евросоюз // РБК. – 2009. – 11.05. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/11/05/2009/301573.shtml> (Дата обращения – 27.02.2015).
2. Баяхчева С.Л., Илларионов С.И. Идеология гражданского общества. – М.: РИЦ «ПрофЭко», 2006. – 432 с.
3. Володин А.Г. Политическая экономия демократии. – М.: Гуманитарий, 2008. – 288 с.
4. Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России / В.Г. Хорос (отв. ред.). – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 312 с.
5. Жискар д' Эстен: «За принятие Турции в ЕС могут выступать только враги ЕС» // Правда. ru. – 2002. – 08.11. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/08-11-2002/9337-turkey-0/> (Дата обращения – 27.02.2015).
6. Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский союз: История, проблемы и перспективы взаимодействия. – М.: Институт Ближнего Востока, 2010. – 364 с.
7. Кутейников А.Е. Демократизация в приоритетах международных организаций // Международные процессы. – М., 2012. – Т. 10, № 1 (28). – С. 66–80.
8. Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке: Черты структурного кризиса. – М.: ГРВЛ, 1991. – 264 с.

9. Неправительственные организации в становлении и развитии гражданского общества: Международный опыт / В.И. Федосов (отв. ред.). – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 216 с.
10. Папа Римский Бенедикт XVI: Исламской Турции не место в христианской Европе // REGNUM. – 2005. – 21.04. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/442286.html#ixzz3S75nHJct> (Дата обращения – 27.02.2015).
11. Премьер-министр Баварии призвал не пускать Турцию в Евросоюз // Лента. ru. – 2006. – 8.11. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2006/11/07/stoiber/> (Дата обращения – 27.02.2015).
12. Саркози: Турции нет места в ЕС // Коммерсант. ru. – 2007. – 14.01. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/996887> (Дата обращения – 27.02.2015).
13. Шлыков П.В., Малащенко А.В. «Антикемалистская революция»: Куда идет Турция? // Московский центр Карнеги. – 2011. – 22.09. – Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3422> (Дата обращения – 27.02.2015).
14. Шлыков П.В. Амбивалентность «мягкой» силы ЕС в развитии сферы гражданского общества в Турции // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 3. – С. 97–135.
15. Шлыков П.В. Вакфы в Турции: Трансформация традиционного института. – М.: Марджани, 2011. – 560 с.
16. Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока / А.Ю. Другов, Н.П. Малетин, О.В. Новакова (отв. ред.). – М.: Ключ-С, 2011. – С. 31–60.
17. Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции и влияние европейских институтов на его развитие // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 210–251.
18. Шлыков П.В. Гражданское общество в Турции: Иллюзии и реальность // Восток (Oriens). – М., 2009. – № 1. – С. 109–122.
19. Шлыков П. Куда идет Турция? Метаморфозы прозападного курса развития // Современная Европа. – М.: Институт Европы РАН, 2013. – Т. 53, № 1. – С. 58–75.
20. Шлыков П.В. Курдский вопрос в Турции: На пути к разрешению конфликта? // Перспективы / Фонд исторической перспективы. – 2013. – 26.06. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/vostok/kurdsnij_vopros_v_turcii_na_puti_k_razresheniju_konflikta_2013-06-26.htm (Дата обращения – 27.02.2015).

21. Шлыков П.В. Турция после выборов 2011 г.: Парадоксы политического развития // Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. – М.: МГУ, 2012. – № 3. – С. 3–28.
22. Avcı G. The Justice and Development party and the EU: Political pragmatism in a changing environment // South European society and politics. – L.; N.Y.: Routledge, 2011. – Vol. 16, Issue 3. – P. 409–421.
23. Avrupa Birliği, Devlet ve STK'lar / Türkiye tarih vakfı yayınları. – İstanbul, 2003. – 206 s.
24. Aydın S., Keyman Fuat E. European integration and the transformation of Turkish democracy / Centre for European policy studies. – Brussels, 2004. – 01.08. – EU-Turkey working paper N 2. – 56 p. – Mode of access: http://aei.pitt.edu/6764/1/1144_02.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
25. Aydın U., Kirişçi K. With or without the EU: Europeanisation of asylum and competition policies in Turkey // South European society and politics. – L.; N.Y.: Routledge, 2013. – Vol. 18, Issue 3. – P. 375–395.
26. Aydın-Düzgit S., Noutcheva G. Lost in Europeanisation: The Western Balkans and Turkey // West European politics. – L.; N.Y.: Routledge, 2012. – Vol. 35, Issue 1. – P. 59–78.
27. Baran Z. Divided Turkey // J. of democracy. – Baltimore, MD: Johns Hopkins univ. press, 2008. – Vol. 19, Issue 1. – P. 54–69.
28. Barış R. Media landscapes: Turkey // European journalist centre. – 2010. – Mode of access: http://ejc.net/media_landscapes/turkey# (Дата обращения – 27.02.2015).
29. Berkan İ. Hoş geldin yeni izolasyonizm // Hürriyet. – İstanbul, 2011. – 16.04. – Mode of access: <http://hurarsiv.hurriyet.com.tr/goster/haber.aspx?id=17560589&tarih=2011-04-16> (Дата обращения – 27.02.2015).
30. Börzel T.A., Soyaltin D. Europeanization in Turkey: Stretching a concept to its limits? / Kolleg-Forschergruppe (KFG) «The transformative power of Europe»; Freie Universität Berlin. – Berlin, 2012. – KFG working paper N 36. – 25 p. – Mode of access: http://userpage.fu-berlin.de/kfgeu/kfgwp/wpseries/WorkingPaperKFG_36.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
31. Çarkoğlu A., Yavuz G. Press-party parallelism in Turkey: An individual level interpretation // Turkish studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2010. – Vol. 11, Issue 4. – P. 613–624.
32. Civil society in Turkey: At a turning point. CIVICUS civil society index project. Analytical country report for Turkey II / A. İçduygu, Z. Meydanoglu, D.Ş. Sert, S.E. Aytaç (Eds.); Third sector foundation of Turkey (TUSEV). – İstanbul: TUSEV publications, 2010. – N 51. – 107 p. – Mode of

- access: <http://civicus.org/downloads/CSI/Turkey.pdf> (Дата обращения - 27.02.2015).
33. Communication from the Commission to European Parliament and the Council: Enlargement strategy and main challenges 2007-2008 / The Commission of the European Communities. - Brussels, 2007. - 06.11. - COM (2007) 663 final. - 61 p. - Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2007/nov/strategy_paper_en.pdf (Дата обращения - 27.02.2015).
 34. Communication from the Commission to European Parliament and the Council: Instrument for pre-accession assistance (IPA). Revised multi-annual indicative financial framework for 2013 / European Commission. - Brussels, 2012. - 10.10. - COM (2012) 581 final. - 9 p. - Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/miff_adopted10-10-12_en.pdf (Дата обращения - 27.02.2015).
 35. Dernekler dairesi başkanlığı: Dernek sayıları. - Mode of access: <http://www.dernekler.gov.tr/tr/Anasayfalinkler/derneksayilari.aspx> (Дата обращения - 27.02.2015).
 36. Dernekler dairesi başkanlığı: İllere göre faal dernekler. - Mode of access: <http://www.dernekler.gov.tr/tr/Anasayfalinkler/IllereGoreIstatistik.aspx> (Дата обращения - 27.02.2015).
 37. Diez Th., Agnantopoulos A., Kaliber A. Turkey, Europeanization and civil society: Introduction // South European society and politics. - L.; N.Y.: Routledge, 2005. - Vol. 10, Issue 1. - P. 1-15.
 38. Elmas E., Kurban D. Communicating democracy - democratizing communication: Media in Turkey. Legislation, policies, actors. - Istanbul: TESEV publications, 2011. - 68 p.
 39. Eşçinsel derneği kapatıldı // Hürriyet. - Istanbul, 2008. - 30.05. - Mode of access: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/9051425.asp?m=1> (Дата обращения - 27.02.2015).
 40. EU survey reveals growing Turkish distrust of own gov't // Today's Zaman. - Istanbul, 2014. - 19.12. - Mode of access: http://www.todayszaman.com/diplomacy_eu-survey-reveals-growing-turkish-distrust-of-own-govt_367428.html (Дата обращения - 27.02.2015).
 41. European neighbourhood policy and enlargement negotiations: Turkey - financial assistance // European Commission. - Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/instruments/funding-by-country/turkey/index_en.htm (Дата обращения - 27.02.2015).
 42. Gerhards J., Hans S. Why not Turkey? Attitudes towards Turkish membership in the EU among citizens in 27 European countries // J. of

- common market studies. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2011. – Vol. 49, Issue 4. – P. 741–766.
43. Göksel D.B., Güneş R.B. The role of NGOs in European integration process: The Turkish experience // South European society and politics. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – Vol. 10, Issue 1. – P. 57–72.
44. Grigoriadis I.N. Trials of Europeanization: Turkish political culture and the European Union. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 231 p.
45. Gürsoy Y. The impact of EU-driven reforms on the political autonomy of the Turkish military // South European society and politics. – L.; N.Y.: Routledge, 2011. – Vol. 16, Issue 2. – P. 293–308.
46. Hale W. Turkish foreign policy 1774–2000. – L.: Frank Cass publishers, 2000. – 375 p.
47. Haughton T. When does the EU make a difference? Conditionality and the accession process in Central and Eastern Europe // Political studies review. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2007. – Vol. 5, Issue 2. – P. 233–246.
48. Howe M. Turkey's junta lobbies to stay in European «club» // New York Times. – 1981. – 09.03. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/1981/03/09/world/turkey-s-junta-lobbies-to-stay-in-european-club.html> (Дата обращения – 27.02.2015).
49. İçduygu A. Interacting actors: The EU and civil society in Turkey // South European society and politics. – L.; N.Y.: Routledge, 2011. – Vol. 16, Issue 3. – P. 381–394.
50. Instrument for pre-accession assistance (IPA II): Indicative strategy paper for Turkey (2014–2020) / European Commission. – Brussels, 2014. – 50 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2014/20140919-csp-turkey.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
51. Intractable – or insoluble? Hopes of settling the Cyprus problem are starting to look unrealistic // The Economist. – L., 2014. – 29.11. – Mode of access: <http://www.economist.com/news/europe/21635025-hopes-settling-cyprus-problem-are-starting-look-unrealistic-intractableor-insoluble> (Дата обращения – 27.02.2015).
52. Kaliber A. Contextual and contested: Reassessing Europeanization in the case of Turkey // International relations. – Thousand Oaks, CA: SAGE publications, 2013. – Vol. 27, Issue 1. – P. 52–73.
53. Kaya R., Çakmur B. Politics and the mass media in Turkey // Turkish studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2010. – Vol. 11, Issue 4. – P. 521–537.
54. Keyman E.F., Öniş Z. Turkish politics in a changing world: Global dynamics and domestic transformations. – Istanbul: Istanbul Bilgi univ. press, 2008. – 351 p.

55. Kubicek P. The European Union and democratization from below: Paper presented at the biannual conference of the European Union studies association. – Austin, TX, 2005. – March 31–April 2. – Mode of access: <http://aei.pitt.edu/3018/> (Дата обращения – 27.02.2015).
56. Kubicek P. Political conditionality and European Union’s cultivation of democracy in Turkey // Democratization. – L.; N.Y.: Routledge, 2011. – Vol. 18, Issue 4. – P. 910–931.
57. Kubicek P. The European Union and grassroots democratization in Turkey // Turkish studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – Vol. 6, Issue 3. – P. 361–377.
58. Kurban D. A quest for equality: Minorities in Turkey. – L.: Minority rights group international, 2007. – 46 p. – Mode of access: <http://www.minorityrights.org/download.php?id=739> (Дата обращения – 27.02.2015).
59. Laffan B. The Politics of identity and political order in Europe // J. of common market studies. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 1996. – Vol. 34, Issue 1. – P. 81–102.
60. Lewis A. Greece: Trouble ahead for the colonels // New York Times. – 1969. – 30.11. – Mode of access: <http://query.nytimes.com/gst/abstract.html?res=9406E2DF1338EF3BBC4850DFB7678382679EDE> (Дата обращения – 27.02.2015).
61. Martinez L. Gezi Park protests show Erdogan’s control over mainstream media in Turkey // Media diversity institute. – 2013. – 14.06. – Mode of access: http://media-diversity.org/en/index.php?option=com_content&view=article&id=2539:gezi-park-protests-highlight-how-mainstream-media-in-turkey-is-bound-up-with-erdogans-government&catid=35:media-news-a-content&Itemid=34 (Дата обращения – 27.02.2015).
62. Müftüler Baç M. Gender equality in Turkey / European Parliament. Directorate General for internal policies. Policy Department C: Citizens’ rights and constitutional affairs. – Brussels, 2012. – 18 p. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201204/20120424ATT43808/20120424ATT43808EN.pdf> (Дата обращения – 27.02.2015).
63. Müftüler Baç M. Turkey’s political reforms and the impact of the European Union // South European society and politics. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – Vol. 10, Issue 1. – P. 16–30.
64. Negotiating framework / European Commission. – Luxembourg, 2005. – 03.10. – 9 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/turkey/st20002_05_tr_framedoc_en.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
65. Onar N. Kemalists, Islamists and liberals: Shifting patters of confrontation and consensus, 2002–2006 // Turkish studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2007. – Vol. 8, Issue 2. – P. 273–288.

66. Öniş Z. Diverse but converging paths to EU membership: Poland and Turkey in comparative perspective // East European politics and societies. – Thousand Oaks, CA: SAGE publications, 2004. – Vol. 18, Issue 3. – P. 481–512.
67. Öniş Z. Domestic politics, international norms and challenges to the state: Turkey-EU relations in the post-Helsinki era // Turkish studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2003. – Vol. 4, Issue 1. – P. 9–34.
68. Öniş Z., Türem Ü. Business, globalization and democracy: A comparative analysis of Turkish business associations // Turkish studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2001. – Vol. 2, Issue 2. – P. 94–120.
69. Ozerkan F. Erdogan says EU can't give Turkey «democracy lesson» // Yahoo news. – 2014. – 17.12. – Mode of access: <http://news.yahoo.com/erdogan-says-eu-cant-turkey-democracy-lesson-193749448.html> (Дата обращения – 27.02.2015).
70. Saatçioğlu B. How closely does the European Union's membership conditionality reflect the Copenhagen criteria? Insights from Turkey // Turkish studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2009. – Vol. 10, Issue 4. – P. 559–576.
71. Sarıgil Z. Europeanization and institutional change: The case of Turkish military // Mediterranean politics. – L.; N.Y.: Routledge, 2007. – Vol. 12, Issue 1. – P. 39–57.
72. Selim M. Diyarbakır'da sivil toplum // Dernekler dergisi. – Istanbul, 2007. – N 1. – S. 52–57.
73. Şimşek S. The transformation of civil society in Turkey: From quantity to quality // Turkish studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – Vol. 5, Issue 3. – P. 46–74.
74. Somer M. Media values and democratization: What unites and what divides religious-conservative and pro-secular elites? // Turkish studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2010. – Vol. 11, Issue 4. – P. 555–577.
75. Söyle F. Lambdaistanbul'a karşı kapatma davası kronolojisi // Bianet.– 2009. – 29.04. – Mode of access: <http://bianet.org/bianet/toplumsal-cinsiyet/114196-lambdaistanbula-karsi-kapatma-davasi-kronolojisi> (Дата обращения – 27.02.2015).
76. The travails of Turkey's Dogan Yayin: Dogan vs Erdogan // The Economist. – L., 2009. – 10.09. – Mode of access: <http://www.economist.com/node/14419403> (Дата обращения – 27.02.2015).
77. Tocci N. Europeanization in Turkey: Trigger or anchor for reform? // South European society and politics. – L.; N.Y.: Routledge, 2005. – Vol. 10, Issue 1. – P. 73–83.

78. Transatlantic trends: Key findings 2014 / The German Marshal fund of the US. – Wash., 2014. – 62 p. – Mode of access: http://trends.gmfus.org/files/2012/09/Trends_2014_complete.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
79. Türk demokrasisinde 130 yıl. – Istanbul: TÜSIAD, 2007. – 256 s.
80. Türkiye üçüncü sektör vakfı faaliyet raporu. – Istanbul: TÜSEV, 2014. – 40 s.
81. TÜSIAD: «Turkey should move forward with the EU membership process avoiding political polarization at the national level»: Press release // TÜSIAD. – Istanbul, 2008. – 24.03. – 2 p. – Mode of access: http://www.tusiad.org/_rsc/shared/file/TUSIADPressRelease240320081.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
82. TÜSIAD: Türkiye’de insan hakları ihlallerindeki artış endişe verici // Hürriyet. – Istanbul, 2008. – 16.12. – Mode of access: <http://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/10579947.asp> (Дата обращения – 27.02.2015).
83. Turkey 2009 progress report: Commition staff working document / Commission of the European Communities. – Brussels, 2009. – 14.10. – SEC (2009) 1334. – 93 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2009/tr_rapport_2009_en.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
84. Turkey 2011 progress report: Commition staff working document / European Commission. – Brussels, 2011. – 12.10. – SEC (2011) 1201 final. – 115 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2011/package/tr_rapport_2011_en.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
85. Turkey 2012 progress report: Commition staff working document / European Commission. – Brussels, 2012. – 10.10. – SWD (2012) 336 final.– 94 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/tr_rapport_2012_en.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
86. Turkey 2013 progress report: Commition staff working document / European Commission. – Brussels, 2013. – 16.10. – SWD (2013) 417 final. – 80 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2013/package/tr_rapport_2013.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
87. Turkey 2014 progress report: Commition staff working document / European Commission. – Brussels, 2014. – 08.10. – SWD (2014) 307 final.– 81 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2014/20141008-turkey-progress-report_en.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
88. Turkey and the army: Paper soldiers // The Economist. – L., 2008. – 26.06. – Mode of access: <http://www.economist.com/node/11632799> (Дата обращения – 27.02.2015).

89. Turkey and the European Union: Processes of Europeanisation / Ç. Nas, Y. Özer (Eds.). – Farnham; Burlington, VT: Ashgate publishing, 2012. – 286 p.
90. Turkey: Countries at the crossroads 2005 // Freedom House. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/countries-crossroads/2005/turkey> (Дата обращения – 27.02.2015).
91. Turkey: Countries at the crossroads 2007 // Freedom House. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/countries-crossroads/2007/turkey> (Дата обращения – 27.02.2015).
92. Turkey: Countries at the crossroads 2011 // Freedom House. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/countries-crossroads/2011/turkey> (Дата обращения – 27.02.2015).
93. Turkey: Freedom in the world 2014 // Freedom House. – Mode of access: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2014/turkey> (Дата обращения – 27.02.2015).
94. Turkey: Ongoing restrictions on freedom of expression. Human Rights Watch letter to the Turkish Prime Minister // Human Rights Watch. – 2007. – 13.04. – Mode of access: <http://www.hrw.org/news/2007/04/12/turkey-ongoing-restrictions-freedom-expression> (Дата обращения – 27.02.2015).
95. Turkey's human rights rollback: Recommendations for reform // Human Rights Watch. – N.Y., 2014. – 38 p. – Mode of access: http://www.hrw.org/sites/default/files/reports/turkey0914_ForUpload.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
96. Ugur M., Yankaya D. Policy entrepreneurship, policy opportunism, and EU conditionality: The AKP and TÜSIAD experience in Turkey // Governance: An international j. of policy, administration, and institutions. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008. – Vol. 21, Issue 4. – P. 581–601.
97. A very special relationship: Why Turkey's EU accession process will continue // European stability initiative. – Berlin; Istanbul, 2010. – 11.11. – 28 p. – Mode of access: http://www.esiweb.org/pdf/esi_document_id_118.pdf (Дата обращения – 27.02.2015).
98. Visier C. The Turkish interest groups in Brussels // Europeanisation: Social actors and the transfer of models in EU-27 / S. Devaux, I. Sudbery (Eds.). – Prague: CEFRES, 2009. – P. 95–114.
99. Yavuz D. Testing large business's commitment to democracy: Business organizations and the secular-muslim conflict in Turkey // Government and opposition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – Vol. 45, Issue 1. – P. 73–92.
100. Yılmaz G. Exploring the implementation of minority protection rules in the «Worlds of Compliance»: The case of Turkey // Perspectives on European

- politics and society. – L.; N.Y.: Routledge, 2012. – Vol. 13, Issue 4. – P. 408–424.
101. Yılmaz G. From EU conditionality to domestic choice for change: Exploring Europeanization of minority rights in Turkey // Turkey and the European Union: Processes of Europeanisation / Ç. Nas, Y. Özer (Eds.). – Farnham; Burlington, VT: Ashgate publishing, 2012. – P. 119–140.
 102. Yılmaz G., Soyaltın D. Zooming into the «Domestic» in Europeanization: Promotion of minority rights and fight against corruption in Turkey // J. of Balkan and Near Eastern studies. – L.; N.Y.: Routledge, 2014. – Vol. 16, Issue 1. – P. 11–29.
 103. Youth in action 2007–2013 // European Commission. Education, audiovisual and culture executive agency. – Mode of access: http://eacea.ec.europa.eu/youth/programme/about_youth_en.php (Дата обращения – 27.02.2015).